

Шукшин В
Дом-музей

1984

Рудный Алтай
г. Усть-Каменогорск

4 стр. ▲ «Рудный Алтай» ▲ В. 12. 84 г. —

ЗАКОВАННАЯ в ледовый панцирь. Катунь присмирела, и только у острого среза Пикета, там, где срastaются два рукава реки, пенится и бурлит вода.

Мы стоим на крутом берегу и всматриваемся вдаль. У кромки горизонта синеют подоблачные утесы. Туда ведет тракт, названный Чуйским. Он рассекает село, вольготно раскинувшееся у подножия горы. Словно донскую станицу взяли и перенесли на алтайские просторы — так размашист хоровад улиц старинных, кондовых Сросток, так затейлив узор подворий, следующих вслед за вольной мыслью хлеба, пашев. Здесь невольно думается: нет, не могло случиться, чтоб не родился на этой земле такой неистовый писатель, как В. М. Шукшин.

Прошло десять лет, как Василий Макарович ушел из жизни, но времени не под силу притушить боль утраты, и едут люди на Алтай со всех концов страны, и склоняют головы, отдавая дань мужественному таланту Человека, Гражданина, Патриота.

В Сростках все напоминает о В. М. Шукшине: сочный, колоритный язык его земляков, который так искусно передавал писатель; широкий полет души прототипов героев его будущих рассказов, которых не спутаешь ни с кем и никогда; особый взгляд «чудиков» на мир, в характерах их соединился и гонкий юмор, и крепкая сольность, и безудержная здоровая сила, готовая всегда к бою.

Село живет памятью о писателе. Он здесь бывал ежегодно, творил, когда позволяли обстоятельства, и очень любил отчий край. Гору Пикет, — вот она, за рекой, — опоясывает березовая лента, и, глядя на нее, невольно вспоминаешь проникновенные слова Егора Прокудина из киноповести «Калина

красная»: «Ах, красавицы вы мои, ах, недотроги! Соскучились, Озябли. Невестушки мои ненаглядные!». Живым шукшинским слогом говорит и голубизна катунских омутов, и торопливый перестук колес на серой ленте тракта, и стон надломленного топеля у придорожной столовой. Я закрываю глаза и вижу пи-

сухое тепло березовых поленев, мягко окутывая плечи, вызывало прилив нежности и доброты. Свой уголок под родным кровом Василий Макарович любил истоиво, неподдельно, и всегда вспоминал о нем с глубокой, затаенной тоской. Он стремился сюда всей душой, но разве может орел, познав радость

ее, некому окунуться в ее парящую благодать.

Как известно, Василий Макарович шел к своему совершенству ломаной и совсем неприглаженной дорогой. Окончив семь классов, он вынужден был работать. И на флоте не дослужил по причине резного и опасного

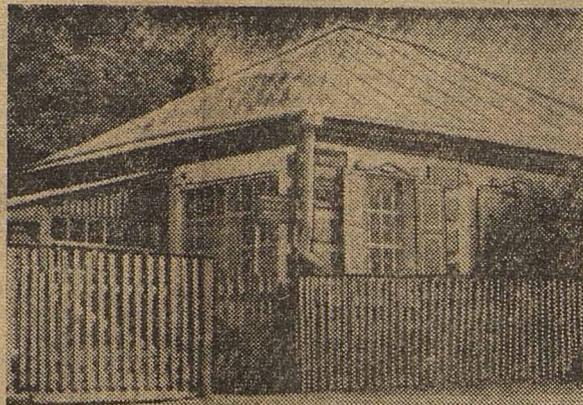
рассказ о великой русской литературе. Он не знал еще тогда, что своим титаническим трудом отвоюет особое место в ее истории, и будет изучать труды писателя его дети и дети друзей, а потом внуки, правнуки...

В здании бывшей школы идут реставрационные работы. В будущем именно здесь будет литературный музей, потому что нет возможности разместить все экспонаты в маленьком домике, где он помногу и так радостно пребывал; пусть этот уголок останется для потомков как напоминание о вечной и непреходящей ценности в жизни каждого человека милого материнского очага. В здании школы есть где развернуть экспонаты, рассказывающие о неординарной жизни простого человека, каким всегда для нас будет Василий Макарович. Его письма, личные вещи, кадры из фильмов, дружеские шаржи, и книги, книги... При жизни Василий Макарович издавался редко — тоненькие, невзрачные брошюры, где собраны пятюк-другой его рассказов. Сейчас его произведения выпускают двадцать издательств страны, причем некоторые — полумиллионными тиражами. Да плюс красочные, с любовью оформленные сборники на японском, немецком, английском, польском, болгарском... Тираж произведений Василия Макаровича уже превысил десять миллионов экземпляров, но где, в каком магазине вы можете свободно купить хоть одно? В доме-музее книгам отведена целая комната, и уже это может засвидетельствовать великую любовь к творчеству писателя, борца, на знамени которого начертано: будущее прекрасно, но во имя этого будущего надо бороться.

М. НОВИКОВ.

НА СНИМКЕ: дом-музей В. М. Шукшина в Сростках.

● ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА В СРОСТКАХ, У В. ШУКШИНА

сателя, словно наяву: вот он подсел к мужикам на низенькую скамеечку и, хитровато прижмурив глаза, расспрашивает о житье-бытье, и в одном из собеседников видится ему остроумный и наглаватый Глеб Капустин из будущего рассказа «Срезал».

— Ах ты, кудель такая, — подзадоривает мужиков Василий Макарович, — так говоришь, и срезал. Ну, ну... — и в крепких его жилистых руках, знавших всякую работу, тухнет самокрутка, да перекатываются желваки на чистом русском лице.

В домике, который Василий Макарович купил для матери на свой первый гонорар, полученный в журнале «Сибирские огни» за роман «Любавины», четыре маленькие комнаты. Они обогревались одной печкой с открытой чугунной плитой. Но вечерам печка затапливалась, и

и боль парення, усидеть я где-то, из которого вылетел?

И все же именно здесь, на крутом берегу Катунь, все напоминает о нем. Вот верандочка, которая еще хранит тепло его рук, вот кроватка, простая, железная, с никелированной отделкой, — аккуратная, прибранная; а во дворе баня и куст сирени... Баню Василий Макарович да, да, вместе с матерью: он наверху, она — на земле. Сохранился один-единственный снимок, сделанный на этой «стройке»: писатель на нем живет так же, как в каждом своем рассказе, в каждом сценарии и в каждой роли, — широко, с истинным размахом, достойным человека недюжинного. Баня, сработанная его руками, стоит, только не поднимается над деревянной крышей прогорклый дымок, некому растопить

приступа язвы. Добрая, сердечная и заботливая мать боролась за жизнь сына мужественно, и болезнь отступила, хотя время от времени напоминала о себе. Но то была победа, и она придавала силы. Василий Макарович стал работать в школе, в той, из которой вышел в большой мир. Одноэтажное здание вытянулось под тополями вдоль переуллка, смотрит многочисленными окнами на суетно ребятишек, разбегающихся по придорожным склонам. Сейчас здесь тихо, и не звенит звонок, и не раздастся «строгий» голос учителя. А мне чудится, что вот хлопнет дверь и войдет в класс своей молодежавшей стремительной походкой еще совсем неизвестный Василий Макарович, мимоходом потреплет ершистые волосы озорного сорванца и поведет